

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, ИЮНЬ 1914 года. Ясное зябкое утро. Облокотившись на перила Галатского моста, Хью Стэнтон, отставной капитан британской армии и завзятый авантюрист, смотрел на воду. Свежий ветерок взрыхлял свинцовую гладь, в утреннем свете барашки волн мерцали, точно звезды.

Прикрыв глаза, Стэнтон на миг забыл, что перед ним Босфор, древняя сточная труба Византии, и представил небесный свод. Далекую галактику, сплошь испещренную точками божественного света. Врата в сияющее небытие.

Стэнтон открыл глаза и, увидев поносное месиво бухты, отвернулся. Если когда-нибудь он надумает свести счеты с жизнью, он выберет пулю — надежнее и чище.

Стрекотали редкие машины, проезжавшие по новехонькому металлическому мосту. Взгляд Стэнтона задержался на женщине в бурке возле лотка с выпечкой на противоположном тротуаре. Одевание ее напоминало темное облако; следом за ней топали девочка и малыш, липкими пальчиками сжимавшие кульки со сладостями.

Стэнтон вдруг понял, что плачет. Долго копившиеся слезы внезапно хлынули по щекам. Эти малыши так

похожи на его детей. Смуглые, иначе одеты, но по годам и повадкам — вылитые Тесса и Билл. Сходство даже в том, как девочка, гордая положением старшей и умной сестры, придерживает братца за плечо, чтобы не вылез на мостовую. Тесса вела бы себя точно так же. Наверное, все старшие сестры одинаковы.

Стэнтон сердито отер рукавом лицо. Нефиг нюнить-ся. Нигде и никогда.

Вдруг утреннюю тишину разорвал утробный рев мотора, и на северной оконечности моста возник битком набитый кабриолет. Стэнтон распознал модель — «Кроссли 20/25». Машины были его страстью, он знал все британские марки. Шумная компания молодых шалопаев, хмельных и богатеньких, возвращалась после бурной ночи. Иноземные бедокуры ехали из района Пера, где всякий европеец чувствовал себя королем.

Распугивая пешеходов, машина вылетела на мост, водитель орал и дудел в клаксон, словно катил по собственной подъездной аллее. Стэнтон услышал английскую речь и хохот, пропитанный бездумным презрением. Видимо, персонал посольства или охрана муфтия — в городе полно британских военных, поучавших султана, как перетащить армию и флот в двадцатый век. Но паче всего мешавших Его Щедрости получить подобные советы от немцев.

Мусульманское семейство, приковавшее внимание Стэнтона, как раз переходило мостовую. Мамаша следила, чтобы дети не вляпались в кучи конского навоза. Но потом схватила ребятишек за руки и опрометью кинулась к тротуару — черный вихрь из бурки и малышей.

И тут девочка выронила свой кулек. Семилетняя кроха, считавшая себя взрослой и мудрой, не могла расстаться с сокровищем и вырвалась из материнской руки. В панике мать остановилась, и семейство замерло на пути летевшей машины.

Громадина надвигалась. Футов четырнадцать в длину и шесть в ширину, она будто заняла собою весь мост. Почти полторы тонны дерева, стекла, резины, латуни и стали. Рычащее и ревущее чудище несло к своей добыче, пучеглазо тарашась фарами, полыхавшими из-под сверкающих черных дуг. Выдававшаяся вперед рессорная подвеска грозила проткнуть всякую живую плоть, встреченную на пути. Из задницы чудища валил черный дым. Обрешеченная морда плевалась искрами. Ни один дракон из древних легенд не смог бы выглядеть ужаснее и смертоноснее.

Одной рукой мать удерживала извивавшегося сына, другую тянула к дочери, окаменевшей от страха. Чудище и семейство разделяло еще ярдов пятнадцать. Любая машина, какой доводилось управлять Стэнтону, успела бы затормозить. Но этот агрегат имел лишь примитивные дисковые тормоза на задних колесах. Вдобавок очумелый юнец за рулем был пьян, а мостовая — скользкой от навоза и утренней росы. Даже если б водитель сумел ударить по тормозам, колымагу с заблокированными колесами протащило бы еще десяток-другой ярдов и она подмяла бы женщину с детьми.

Мысли эти молнией пронеслись в голове Стэнтона, и он, оторвавшись от перил, стартовал со всей энергией человека, которого инстинкт и выучка держат в постоянной готовности к действию.

Сквозь прорезь бурки на него смотрели угольно-черные миндалевидные глаза молодой мамы, полные ужаса. В конце дистанции Стэнтон раскинул руки и в затычном нырке врезался в семейство, на полсекунды опередив машину, чиркнувшую его бампером по ступне. Вместе с семейством в объятиях его подбросило в воздух, а затем вся эта физкультурная композиция, описав почти полный круг, грохнулась на мостовую.

Чудище рывкнуло клаксоном и, попрыгивая, покатило себе дальше. Пассажиры его хохотали пуще прежнего,

чрезвычайно довольные произведенным впечатлением. Пора уже старому сонному Истанбулу, как упрямо называли его аборигены, понять, что ритм жизни изменился. Если турки желают стать европейской нацией, пусть ведут себя соответственно. Для начала пусть научатся не шастать перед машинами.

Стэнтон лежал на женщине. Покрывало ее сбилось, Хью чувствовал нежную щеку, жаркое дыхание и вздымающуюся грудь. Мальчугана зажал между матерью и спасителем, девочка растянулась рядом.

Стэнтон резво вскочил на ноги. Как-никак оттоманская империя, а женщина — явно правоверная мусульманка. Наверное, даже самый консервативный мулла счел бы данный физический контакт извинительным, но все равно этакая близость конфузна и опасна. Не хватало еще разъяренного мужа с дубиной и кривым ятаганом, какой многие турки открыто носили за поясом.

Стэнтону ждало дело, в котором главным было не наследить.

Он помог женщине подняться. Та лепетала благодарности. Наверное, благодарности. Женщина говорила на турецком, который Стэнтон распознавал, но не понимал. Однако взгляд ее из-под бурки, которой она вновь укрылась, был выразительнее всяких слов.

Вокруг уже собралась толпа, гомонившая на всевозможных наречиях. Кроме турецкого, слышались греческий, французский, арабский и какие-то другие языки. Наверняка Галатский мост был самым космополитским местом на свете. Даже Вавилон не мог бы похвастать бóльшим многоязычием.

— Прошу прощения... э-э... мадам, — по-английски произнес Стэнтон, не вполне уверенный в правильности обращения, — но я не говорю...

— Она вас благодарит, хотя, конечно, вы и так всё поняли, — сказал голос за его спиной. Стэнтон обер-

нулся: средних лет господин в полотняной пиджачной паре и канотье — неизменном одеянии европейского набоба. — Дескать, вы спасли жизнь ей и детям, что бесспорно. Признаюсь, я впечатлен. Вы так метнулись, словно за вами гнались судебные приставы.

Сквозь толпу протолкался человек в форме. Скорее всего, полицейский, но, возможно, какой-нибудь ополченец или даже почтальон. Турецкие чиновники обожали вычурную униформу.

Кто-то пожал Стэнтону руку.

Кто-то хлопнул по спине.

Старик-француз пожелал угостить его выпивкой. Правда, нос доброхота, напоминавший спелую сливу, говорил о том, что хозяин его скорее ищет повод опрокинуть стаканчик с утра пораньше.

Все пошло не так. Предполагалось, что Стэнтон тенью проскользнет по городу, а вместо этого он оказался в центре внимания толпы. Надо было сматываться.

Но молодая мамаша все еще что-то говорила — обхватив плачущих детей и сверкая темными глазами, вновь и вновь благодарила спасителя.

— Вы... мой... дети, — запинаясь, выговорила она по-английски.

Понятно, что она хотела сказать. Он спас ее детей, самую большую ценность на свете.

А вот своих он не спас.

Но разве это возможно? Его близкие еще даже не родились.